

Татьяна Аникеева

Татьяна Александровна Аникеева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

ДВА ПУТЕШЕСТВИЯ И ОДИН ТЕКСТ: Е.Э. КАРТАВЦЕВ И И.А. БУНИН В КАИРЕ

Евгений Эпафродитович Картавцев¹ (1850–1932, Париж) — известный российский чиновник, экономист, управляющий Крестьянским поземельным банком, с 1885 года — управляющий Дворянским банком в составе Министерства финансов. В 1889-м он совершил путешествие в Египет и Палестину, а его путевые заметки («путевые дневники», как он их назвал) спустя два года были опубликованы в нескольких номерах журнала «Вестник Европы» (май, июнь, декабрь 1891 года, см.: [3, 4], а затем и в виде книги («По Египту и Палестине», в Санкт-Петербурге в 1892 году [5], куда частично вошли и уже опубликованные в журнале очерки).

Журнал «Вестник Европы» выходил в России ежемесячно с 1866 по 1918 годы. Материалы, публикуемые в журнале, охватывали весьма широкий круг общественных тем (и лишь первые два года он представлял собой исторический научный журнал) — в нем были отделы литературы (где в свое время публиковались И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.Н. Островский, и др., а также литературная критика), внутренней и внешней политики, беллетристики и хроники. Журнал был «трибуной русского либерализма, центром научной и общественно-политической мысли России второй половины XIX

века» [8]. Круг постоянных читателей (и, судя по очерку Картавцева, некоторых авторов) журнала представлял собой в основном среду чиновников и профессуры, которые занимали «высокое положение в административно-управленческой иерархии России» [8].

Маршрут Е.Э. Картавцева пролегал через Египет (от Хиоса по морю в Александрию, затем — в Каир, откуда была также совершена поездка в Луксор) морем в Палестину. Сам он следующим образом писал о своем путешествии (в предисловии к упомянутой книге): «Ни археологическими, ни экономическими, ни политическими, да и никакими вообще “вопросами” мы не задавались; поэтому и книга эта представляет собой былые заметки о

том, что видел, слышал, думал и чувствовал я в пути по Египту, Палестине и сопредельным с ними частям Средиземного моря» [5].

Впечатления от путешествия Е.Э. Картавцева (в частности, восприятие им иноверцев²), изложенные им в путевых заметках и опубликованные на страницах журнала, пользовавшиеся, вероятно, определенной известностью и популярностью, вполне могут являться предметом отдельного научного исследования³. Нас же интересуют прежде всего его заметки о каирской архитектуре и некоторых — самых известных — достопримечательностях.

Например, именно такой Картавцев увидел знаменитую каирскую мечеть Каит-бея⁴: «... *Ветер гонит*

1 Иногда встречается написание «Картавцов».

2 См., например: «Что греха таить! когда я осмотрел европейскую часть Каира, я должен был сказать, что на Руси нет ни одного города, который по чистоте, по красоте отделки и по нарядности мог бы сравниться с этой частью египетской столицы. Прототипом ей послужили, говорят, западные новейшие кварталы Парижа. Но в Каире нет сундуков-домов Парижа, так однообразящих лучшие его улицы, а есть в Каире то, чего нет в Париже — жгучее солнце; оно при помощи поливки вытягивает из земли чудные растения, замечательно красящие его улицы. Объезжаешь город и не можешь надивиться. На материке Африки, едва ли в десяти верстах от безбрежных сыпучих песков Сахары, под самым Макотамским кряжем, пустынным, скалистым и диким, среди черномазых негров, хищных арабов и забытых, тысячелетиями задавленных феллахов — в этой обстановке раскинулся город, могущий соперничать по опрятности, красоте и изяществу с лучшими частями величайших центров европейской цивилизации. Не странно ли это?».

3 В целом Е.Э. Картавцев более известен своей административной деятельностью в финансовой сфере и службой на посту управляющего банком (см.: [1, с. 64-68]), а также и как супруг писательницы М.В. Крестовской, но собственные его очерки о путешествиях привлекали относительно мало внимания исследователей.

4 Мавзолей Каит-бея входит в комплекс султана Каит-бея, состоящий из целого ряда разнообразных построек (мечетей, мавзолеев и т.д.) на территории так называемого каирского «города мертвых» — некрополя. Мавзолей и мечеть Каит-бея (строилась с 1472 по 1474 годы) возникли во время интенсивной застройки Каира при мамлюкском султани Каит-бее (1416/1418–1496). Этот комплекс по праву считается одним из лучших памятников мамлюкской архитектуры на всем Арабском Востоке.

пески и засыпает остатки, бранные остатки прежнего величия. Охраняется и чистится только одна мечеть Каит-бея. В ней, в усыпальнице ее основателя, лежат камни, принесенные им из Мекки: один серый — на нем следы обеих ног Магомета; другой розоватый — на нем выдавалась одна из ступней пророка; не мало благочестивых мусульман приходит облобызать священные следы эти (здесь и далее курсив в цитатах мой. — Т.А.). <...> Сама мечеть — один из лучших памятников арабского зодчества. Только в Испании, говорят, можно видеть такую чистоту и красоту линий арабского искусства. Минарет мечети считается самым изящным из сохранившихся в Европе, Азии и Африке. Мечеть, к сожалению, почти со всех сторон облеплена домиками, очень мешающими насладиться общей красотой здания. В мечети этой сохранилось одно из чудес арабского искусства — окна усыпальницы Каит-бея. Прорезаны они в верхней части стен и в основании купола; все они очень узки, высоки и забраны стеклянной мозаикой; эта мозаика — чудо искусства. <...> *Вся красота — в комбинации цветов, а комбинации эти самые необыкновенные и поразительные. Красные, синие, желтые, зеленые, белые, фиолетовые, розовые, черные и всяких других цветов стеклышки подобраны друг к другу удивительно. Смотришь на любой из них и поражаешься: один горит ярким яхонтом, другой светится чудным изумрудом, третий перели-*

вает всеми цветами чистого алмаза... Красота этих мозаичных окон не поддается описанию» [3, с. 499].

При мамлюках в Каире было воздвигнуто несколько десятков мечетей. Самыми известными сооружениями мамлюкского периода в Каире являются мавзолей, мечеть и медресе султана Хасана, построенные в 1356—1363 годах. Главный фасад мечети Хасана имеет протяженность 150 метров, он разделен вертикальными нишами со сталактитами в верхней части. В центре всего сооружения находится большой открытый двор с фонтаном для омовений, над которым находится купол, поддерживаемый арками, опирающимися на мраморные колонны. С 4-х сторон к открытому двору примыкают сводчатые айваны, каждый из которых отведен одному из толков ислама: в айванах занимались ученики медресе в соответствии с богословским толком. Е.Э. Картавцев назвал эту мечеть «лучшим зданием Каира»: «Мы прежде всего хотели видеть мечеть Гассана, лучшее здание Каира. Мы проехали по двум улицам: одна, называемая Муски — прямая, не особенно широкая, вся переполненная лавками и магазинами и чрезвычайно оживленная; другая, под прямым углом к первой, шире и длиннее, но несколько менее торговая. Подъехали к мечети, представили разрешение на право осмотра, поднялись ступеней на двадцать и вошли в притвор. Притвор этот имеет вид коридора огромной высоты и кончается закруглением; в этом закруглении

султан Гассан, строитель мечети, чинил публично суд по делам, доходившим до его разбирательства. Отсюда мы прошли довольно темным коридором, поднялись на несколько ступеней и очутились на переднем дворе мечети. Все мечети, выстроенные самими мусульманами, а не те, в которые обращены христианские храмы, имеют две главные части. Первая — в роде двора, обнесенного высокими стенами; в двух, трех саженях от них внутрь двора идет ряд колонн; в этой части покрыто кровлей только пространство между наружными стенами и колоннами; в середине двора — большой фонтан для омовений; пол обыкновенно каменный, иногда мраморный. Вторая часть мечети под куполом и сводами — собственно святилище, место не только молитвы, но и богослужения.

Двор мечети Гассана носит явные следы запущения; внутренняя часть мечети хотя и содержится в несколько большем порядке, но все же видимо приходит в упадок. А здание между тем великолепно как по размерам и красоте форм, так и по первоначальной отделке. Длина его более 65 сажен, толщина стен от трех до четырех

сажен, высота большого минарета сорок сажен» [3, с. 489].

Как следует из приведенного примера, очерк Е.Э. Картавцева о Каи-ре весьма подробен. Путешественник фиксирует решительно все — в его поле зрения попадают уличные ослы, саисы, широкие улицы центра города, местные драгоманы; он приводит исторические экскурсии (о Мухаммаде Али, мамлюках, персидском царе Камбизе и т.д.), рассказывает о посещении театра, сада Эзбекие и много другом. Путешествие Е.Э. Картавцева после выезда из Египта, как уже было сказано, продолжилось в Палестине, а очерки о практически всех остальных пунктах маршрута также были в дальнейшем опубликованы.

Почти 17 лет спустя, весной 1907 года, И.А. Бунин вместе с женой отправляется в путешествие на Восток, в Египет, Сирию. Результатом этого и других путешествий Бунина на Восток⁵ стал цикл «Тень птицы»⁶, куда вошли и небольшие рассказы «Иудея», «Геннисарет», «Пустыня дьявола», «Свет Зодиака», «Дельта» и другие — так называемые «путевые поэмы», по его собственному

5 С 1903-го (когда И.А. Бунин впервые посещает Константинополь) по 1911 год, когда им было совершено путешествие на Цейлон.

6 Известно, что в «Полном собрании сочинений» И.А. Бунина 1915 года этот цикл рассказов был напечатан под заглавием «Храм Солнца». Они были под тем же названием в 1917 году вместе со стихами на темы Востока, а в 1931 году вышли в Париже как отдельная книга «Тень Птицы», куда был включен и рассказ о столице Цейлона, Анарадхапуре, «Город Царя Царей». «В первом томе Собрания сочинений (1935) Бунин восстановил прежнее название, “Храм Солнца”, но, готовя том для нового издания в июле 1953 года, зачеркнул это заглавие и написал: “Тень Птицы”» [2, примечания].

определению жанра. Эти рассказы публиковались с 1908 по 1915 годы в различных журналах и альманахах; в частности, «Свет Зодиака» и «Дельта», посвященные, соответственно, Каиру и дельте Нила (пути из Александрии в Каир), в Полном собрании сочинений И.А. Бунина 1915 года входили в состав одного рассказа «Зодиакальный свет».

По всей видимости, именно подробнейший очерк Е.Э. Картавцева о Каире послужил (отчасти!) непосредственным источником для вдохновения Ивана Бунина, равно как и сам Каир, увиденный писателем, — его поэтичный «Свет Зодиака», представляющий собой совершенно иной литературный жанр, порой следует путевым заметкам Е.Э. Картавцева, едва ли буквально не воспроизводит их.

Так, красота цветной мозаики гробницы Каит-бея (см. выше) описана следующим образом: *«В пустыне, сзади цитадели, раскинуты среди песков мечети гробницы халифов. Они всеми забыты, приходят в ветхость. Там в усыпальнице Каид-Бея окна горят такой цветной мозаикой, равной которой нет на земле. Там есть два камня из Мекки — один сиреневый, другой розовый — и на них следы Магомета»* [2, с. 404].

У Е.Э. Картавцева приводится довольно много подробностей о климате Египта и обстоятельствах истории Древнего Египта, связанных с ним;

изложение этих фактов, по сути, напоминает путеводитель: *«Есть наконец ветер, научно совсем еще не исследованный, потому что дует он в десять, двенадцать лет раз. Арабы называют его “семусин”. Это бесспорно одно из ужаснейших явлений природы, как бы соединение хамсина с семумом, т.-е. ветер, несущий такие же массы песку и пыли, как “семум”, и в то же время такой же жгучий, как “хамсин”.* История человечества представляет пример того, что может сделать “семусин”. Персидский завоеватель Египта Камбиз двинул более 200 000 человек в Нубию; для сокращения пути армия у главной излучины Нила пошла не по берегу реки, а наискосок, пустыней; большая часть дороги была пройдена и передовые отряды были уже в виду Нила, когда вдруг налетел “семусин” и в несколько минут пожрал войско Камбиза; в живых осталась едва двадцатая часть <...>. Исследованных поныне усыпальниц аписов в Серапеуме 24; всех же до сих пор открытых гробниц аписов всего 64. <...> Камбиз, после гибели войска его под жгучим дыханием “семусина”, распорядился выкинуть мумии аписов из гробов их и разрушить храм» [3, с. 501, 523]. В «Свете Зодиака» мы встречаем такую же — но поэтически переосмысленную — историю о персидском царе Камбизе, аписах и *семусине*⁷: *«Черны были Аписы Мемфиса. Черным гранитом лоснились скаты*

7 Семусин — «очень сильная, редко встречающаяся желтая буря в Малой Азии (“смесь” самума и хамсина)» [10].

пирамиды Хуфу. *“Семусином” — черно-пламенным ураганом песков — прошел по Египту Камбиз*, до основания разрушив и Он и Мемфис, и это в его полчищах семусин пожрал в один день полтораста тысяч жизней на пути к черной Нубии! И вот тогда-то и дохнуло на Египет дыхание смерти, и “помутилось солнце его от пыли сражений и от курений жрецов, и прибег он к идолам и чародеям и к вызывающим мертвых”. <...> в Ливийской пустыне сонные змеи песков бегут и бегут во входы пирамид, уже давно пустующих. *Мумии из гробниц и пирамид Саккара выкинул еще Камбиз»* [2, с. 405].

Весьма подробно Картавцев описывает посещение театра («арабской оперы»), произошедшее вечером, после экскурсии к Серапеуму, в Саккару; в поле зрения путешественника попадает и общее убранство театра внутри, и ложи для «гаремных дам» («В бельэтаже более половины лож, а в первом ярусе добрый десяток их закрыты белыми занавесями из тончайшей проволоки. Одни из них редкие, с узорами в роде филейных вышивок; другие погуще, как частые узорчатые гардины; сквозь первые легко различать сидящих; сквозь вторые можно что-нибудь увидеть, только внимательно и долго всматриваясь в одну

точку, да и то тогда только, когда сидящие в ложе придвинутся к самой занавеске. Завешенные ложи — абонированные богачами-мусульманами для их гаремов»), и сами эти дамы и их нравы, и само представление, и непривычная для автора очерка манера исполнения: «Трудно определить, к какому роду искусства относится представление, на которое попали мы. Главные действующие лица пели свои роли, остальные их говорили, хора не было. Содержание пьесы странное, постановка наивная. Сын халифа влюблен в бедную девушку, дочь его кормилицы; она же не отвечает ему и заинтересована каким-то бедным юношей... Партию его (сына халифа. — Т.А.) поет шейх Саламе⁸, лучший арабский тенор, очень видный мужчина <...> *Арабское пение сначала раздирает европейские уши. Судя по тем местам, которые пользовались особым одобрением публики, верхом искусства считается у арабов, чтоб певец вокализировал носовыми и горловыми сдавленными звуками как можно долее, пока у него остается хоть капля воздуха в груди. Шейх Саламе (играющий сына халифа) пел, гнулся неистово, хрипел — и тем не менее публика аплодировала ему, как бешеная. В первом акте мы не в состоянии были понять,*

8 Видимо, Е.Э. Картавцеву в Каире посчастливилось стать свидетелем выступления театральной труппы Саламы Хегази. Салама Хегази (1852—1917), известный также как Шейх Салама, — знаменитый певец и родоначальник египетского музыкального театра. Впоследствии его творчество служило вдохновением для таких известнейших арабских композиторов XX века, как Сайед Дарвиш и Мухаммад Абд ал-Ваххаб.

есть ли в арабском пении какая-нибудь гармония и ритм; оно звучало нам странно, диво, неприятно. <...> Арабская опера в Каире не постоянная. Те же Леля и шейх Саламе поют и в Алжире, и в Константинополе, и в Александрии. Попасть на нее приедем — дело случая» [3, с. 530].

Вечерним посещением некоего театрального представления в Каире после осмотра пирамид завершается и день лирического героя «Света Зодиака». Особо подчеркнута и теснота и духота театра, и ложи для гаремов, которым особое внимание уделено в очерке Картавцева, и «наивность» и безыскусность представления, и манера пения: «Я кончил этот вечер в театре, на площади, сплошь занятой табуретами и столиками, шумной и людной, как ярмарка. Двери театра были открыты настежь, но в партере, усеянном фесками, стояла одуряющая духота. *Что же было в решетчатых ложах, где помещаются гаремы?* Подняли под музыку занавес — и в глубине сцены открылся плакат: лиловая ночь и преобладающая луна над лиловым силуэтом города, состоящего из одних пальм и мечетей и четко отраженного в бледно-лиловой реке. На полу среди сцены стояло ярко-зеленое дерево, а под деревом — араб в пышной старинной одежде и громадном тюрбане. *Страстно завыл и загудел оркестр, и араб, приложив одну руку к сердцу, а другую, дрожащую, вытянув, разразился такими гнусавыми воплями, что весь партер затрепетал от рукоплесканий. Араб жаловался на несчастную любовь и*

прозакладывал кому-то душу, лишь бы увидеть свою милую. Затем он смолк, закрыл лицо руками и затрясся от беззвучных рыданий. А наплакавшись, глубоко вздохнул, снял темный широчайший халат, положил его подушкой под деревом и, оставшись в другом, бледно-розовом, лег спать. Музыка под сурдинку запиликала что-то осторожное, хитрое. И тогда из-за кулис бесшумно выпорхнули черти в красных балахонах с белыми изображениями черепов на груди. Радостно подвывая и взвизгивая, они закружились над своей добычей. И вдруг ухнул барабан — и, подхватив спящего, черти бросились за кулисы <...>» [2, с. 405-406].

Даже описания пути к пирамидам ранним утром на восходе солнца у обоих путешественников до какой-то степени схоже: «Мы выехали к Нилу. С него потянуло ветерком — стало очень прохладно. Переехали великолепный железный мост с разводной частью для пропуска судов, украшенный громадными бронзовыми львами, и повернули на юго-запад по шоссе, идущему сначала берегом Нила, а потом наискось к горе высокой дамбой, обсаженной с обеих сторон большими деревьями. Неспешно бегут лошади в темноте, изредка прерываемой светом фонарей, стоящих то на правой, то на левой стороне дороги, за половину притом прикрытых деревьями. Ни звука в воздухе, ни одного встречного существа» [3, с. 503]. У И.А. Бунина: «Верхушки пальм розовеют, небо легко и жемчужно-бирюзово. Экипаж быстро катится по гладким мостовым.

Едем к пирамидам. Вот мост с бронзовыми львами через Нил. Свет утреннего солнца ослепительно блещет над розово-голубым морем пара, в котором тонут и острова, и вся долина Нила <...>. Нил под мостом дымится, и в дыму медленно идут серые паруса барок» [2, с. 406].

В так называемых «путевых поэмах» И.А. Бунина, представляющим цикл «Тень птицы», Восток предстает крайне разноплановым — не только в отношении разнообразия культур и традиций, но и исторических эпох, которые наблюдает лирический герой-путешественник⁹. Исследователями творчества писателя подчеркивается и определенный «библейский хроно-топ» текстов Бунина о путешествиях на Восток — как «основная пространственно-временная структура <...> цикла» [7], так как большая часть «путевых поэм» этого цикла относится все же к Палестине и Святой земле — традиционными объектами паломничества российских христиан, что связывает «Тень Птицы» с жанром «хождений» русской литературы XVI—XVIII веков¹⁰. В то же время с некоторыми текстами-описаниями паломников в какой-то мере — вольно или невольно — связаны и очерки и книга Е.Э. Картавцева о путешествии

на Восток. Подобно Василию Григоровичу-Барскому и другим паломникам прошлого времени (см.: [6, с. 434-435]), автор эмоционально восхищается памятниками мусульманской старины в Каире, детально сравнивает этот чуждый ему город с Москвой (и европейским Парижем — см. прим. выше) и т.д. В этом смысле и путевые дневники Картавцева, и «путевые поэмы» Бунина обладают некоторым общим прообразом в русской словесности.

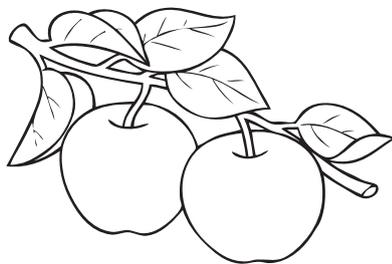
Многие исследователи отмечают фотографическую точность описаний И.А. Бунина; в то же время (лишь отчасти!) ее источником и основой — подобно фотоснимкам в альбоме или путеводителе — наряду со зрительными воспоминаниями становятся уже вышедшие некогда очерки из путевого дневника Е.Э. Картавцева о поездке, совершенной в тот же город более 17 лет назад. Главные достопримечательности, значимые объекты Каира и его окрестностей того времени — гробница Каит-бея, утренний путь к пирамидам Саккары, Гиза, театральное представление местной труппы и др., детально и обстоятельно описанные в «Вестнике Европы», в журнале, который выходил большим тиражом и пользовался значительной популярностью, — становятся неким

9 «В своем стремлении к тотальному знанию и опыту, идеальный путешественник [у Бунина] должен посетить не только другие страны, но и другие эпохи; он должен покорить время, так же, как и пространство <...>» [11, р. 522].

10 Об этом см. подробнее: [9].

планом для дальнейшего поэтического описания и переработки. На примере рассказа «Свет Зодиака» и очерка «В Каире» можно увидеть,

как текст очерка о путешествии у одного автора преобразуется в литературное произведение, «путевую поэму» у другого.

Список литературы:

1. Бугров А.В. «Марат Крестьянского банка». Очерк жизни и деятельности Е.Э. Картавцова (1850—1932) // Деньги и кредит. 2011. № 4. С. 64-68.
2. Бунин И.А. Свет Зодиака // Бунин И.А. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 3. Повести, рассказы (1911—1914); Тень Птицы (1907—1911). М.: Воскресенье, 2006. С. 401-410.
3. Картавцев Е.Э. В Каире (1889 г.) // Вестник Европы. 1891. № 12. С. 485-536.
4. Картавцев Е.Э. Поездка в стовратные Фивы (1889 г.) // Вестник Европы. 1891. № 6. С. 112-135.
5. Картавцев Е.Э. По Египту и Палестине. Путевые заметки. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1892. 250 с.
6. Кириллина С.А. Очарованные странники: арабо-османский мир глазами российских паломников XVI—XVIII столетий. М.: Ключ-С, 2010. 563 с.
7. Ковалева Т.Н. Библейский хронотоп в «путевых поэмах» И.А. Бунина «Тень Птицы» // Проблемы исторической поэтики. 2015. № 13. С. 507-526.
8. Козьминых Е.С. Либеральный журнал «Вестник Европы» и российское общество в период реформ Александра II // Вопросы исторической науки: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Москва, январь 2012 г.). М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 56-59. [Режим доступа]: <https://moluch.ru/conf/hist/archive/53/1568/> (дата обращения: 28.04.2020).
9. Латухина А.Л. Цикл «путевых поээм» И.А. Бунина «Тень птицы»: проблема жанра. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2004. 22 с.
10. Прох Л.З. Словарь ветров. Л.: Гидрометеиздат, 1983. 311 с.
11. Richards D.J. Comprehending the Beauty of the World: Bunin's Philosophy of Travel // The Slavonic and East European Review. 1974. Vol. 52, No. 129. Pp. 514-532.